

Ключевые слова: инфляция, зарплата,
демонетизация, регулирование цен,
математические модели

Жупел инфляции

СУЛАКШИН С.С. Об инфляции не по Кудрину. –
М.: Научный эксперт, 2009. – 168 с.

Главная тема книги Степана Степановича Сулакшина, генерального директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, депутата Госдумы первого и второго созывов, четко заявлена в ее названии. Автор считает, что (за исключением правительства Е. М. Примакова) борьба с инфляцией почти два десятка лет является главной целью экономической политики федеральной власти, «поскольку нужно создать так называемый благоприятный инвестиционный климат для иностранных инвестиций. В российскую экономику тогда придут иностранные инвестиции и откроется российское экономическое чудо» (с. 4).

По мнению С. С. Сулакшина, из-за того, что борьба с инфляцией является самоцелью для финансовых властей страны, экономика России была и остается демонетизированной, а благосостояние населения искусственно поддерживается на низком уровне. «Кредитный портфель длинных доступных с учетом реальной рентабельности денег практически пуст (одна из причин стагнации развития и инноватизации экономики и финансово-экономического кризиса в России). Зарплатоемкость российского ВВП ниже в 2–2,5 раза, чем у сопоставимых стран» (с. 5).

Хотя помимо борьбы с инфляцией перед российской экономикой стоят другие важные задачи, «Центробанк производит эмиссию только под объемы валютной выручки от углеводородного экспорта, нисколько не заботясь

© ЭКО 2009 г.

о проблемах ликвидности банковской системы и социально-экономического развития страны. Финансовый суверенитет страны минимизирован, поскольку дефицит оборотных средств замещен иностранным капиталом, который в необходимом по политическим причинам момент уходит с российского финансового рынка и из кредитного контура... и в России наступает финансовый, а затем неизбежно – экономический кризис, который совершенно ошибочно списывать на кризис мировой» (с. 5).

Если С. С. Сулакшин прав, то из этого следует, что при отсутствии финансового суверенитета в условиях мирового финансового кризиса экономика РФ будет принесена в жертву в ходе любых стабилизирующих мероприятий. Отсутствие финансового суверенитета более губительно для страны, чем оккупация при его сохранении. По этой причине обвинение руководства страны в утрате финансового суверенитета РФ представляется чрезмерно строгим.

С кем спорит автор?

Правительство РФ практически не вступает в дискуссии по поводу теоретического обоснования важных для страны решений – они принимаются так, как будто единственным носителем истины в последней инстанции выступает Министерство финансов РФ. И С. С. Сулакшин излагает свое понимание позиции правительства.

Для доказательства своих тезисов автор приводит не только теоретические положения, но и фактические данные, используя временные ряды финансовой и макроэкономической статистики за 1991–2008 гг. Хотя «по Кудрину» рост денежной массы в российском обороте должен приводить к росту индекса инфляции, в книге показано, что «все обстоит прямо противоположным образом» (с. 11).

Не буду обсуждать используемые в книге математико-статистические методы, отмечу лишь, что автор плотно сотрудничает с основной экономико-математической организацией России – ЦЭМИ РАН и напрямую с директором ЦЭМИ

академиком РАН В. Л. Макаровым. Так что модели, описываемые в книге, прошли экспертизу.

Остановимся на основных тезисах С. С. Сулакшина.

«Большое сомнение вызывает активный неолиберальный подход, продвигаемый до недавних времен официальным помощником Президента РФ по экономике и реализуемый на практике» (там же). Произведя не упомянутого напрямую А. Н. Илларионова в неолибералы, автор, вслед за лордом Кейнсом, пишет следующее.

«Сокращение доли государственных расходов в ВВП страны, что якобы должно уменьшить налоговое давление на бизнес, увеличить долю остающихся в его распоряжении средств, которые могут быть использованы им на развитие, более эффективно, чем на это способно государство. Россия уже "опережает" по этому показателю многие традиционные рыночные государства. Кроме того, видно, что политика сокращения доли государственных расходов в ВВП – это... фактически осуществляемая на практике государственная политика» (с. 22).

Вчитаемся в характеристику, которую автор дает оппонентам: «Крайне либеральный подход, пропагандируемый в рамках российской либеральной научной школы, в котором утверждается необходимость полного освобождения цен, снятия тарифного регулирования в области естественных монополий и дезинтеграции последних» (с. 24).

Но о какой «российской либеральной научной школе» идет речь? Кто хоть один был либералом в российской экономической науке? Неужели Е. Т. Гайдар, который вполне добросовестно редактировал свой раздел в журнале «Коммунист»? Или Г. О. Греф и А. Б. Чубайс, о научных публикациях которых ничего неизвестно за их отсутствием? Из книги «жесткого» оппонента Минфину С. С. Сулакшина можно сделать вывод, что за действующими чиновниками высшего уровня стоит какая-то наука. Увы, такой науки нет и быть не может. Против решений, принимаемых этими людьми, выступают экономисты-теоретики не только из России, но и из-за ее рубежей, упрекая творцов современной экономической политики в некомпетентности.

И все-таки, о теоретической стороне инфляции

Исходным тезисом автора является то, что принудительное сокращение денежной массы в российской экономике противоречит мировым тенденциям. С. С. Сулакшин доказывает, что такой связи нет, поскольку в ряде стран в период наращивания денежной массы падал индекс инфляции. Но исключения из правил не отменяют сами правила. Выступая против количественной теории денег, нужно полагаться не только на примеры, которые могут быть объяснены воздействием некоторых внешних факторов, но и видеть логическое противоречие в самой концепции.

Но вместо этого автор использует такой оборот, как «навязанная догма монетаристской борьбы с инфляцией» (с. 31). Идея борьбы с инфляцией через сдерживание роста денежной массы принадлежит не только монетаризму. Количественная теория денег в той или иной форме присутствует и у классиков, в частности, Карла Маркса, как бы это ни было неприятно так называемым современным российским либералам.

«Выводимая из экономики сумма есть результат волюнтаристской монетаристской управленческой практики, проводимой по политическим и внесистемным мотивам» (с. 38). Идею эту нередко высказывают экономисты, но чаще – политики.

Действительно оригинальной идеей автора является констатация того, что «уменьшение доли госрасходов в ВВП носит внеэкономический характер и определяется только волей управленца, вытекающей из неолиберальной догмы». Но С. С. Сулакшин идет дальше, отмечая, что этот процесс является результатом борьбы «"с переменным успехом" двух подходов: стремящегося к росту доли расходов (шведско-белорусская модель социального государства) и к его уменьшению (неолиберальная модель)» (с. 48).

Если эта борьба между англо-американской и (что само по себе удивительно) шведско-белорусской экономическими системами действительно существует, то это заставляет совершенно по-иному взглянуть на современную российскую историю и позволяет снять хотя бы некоторые обвинения в адрес власти, содержащиеся в данной книге, а, может быть,

не только изменить ее тональность, но и направить размышления автора в иное, не менее интересное русло.

С инфляцией Родину не продашь

Более четко позиция автора выражена словами: «Официальный многолетний подход финансовых властей России заключается в том, что управленческая цель высшего уровня – снижение инфляции и как следствие – создание благоприятного инвестиционного климата и массированное привлечение иностранных и частных инвестиций в экономику России. Цель второго уровня – привлечение за счет борьбы с инфляцией иностранных инвестиций – хронически не достигается. Доля иностранных инвестиций во всех российских инвестициях в основные фонды не превышает нескольких процентов» (с. 22).

Действительно, основная часть иностранных инвестиций в Россию – это спекулятивный капитал*. И если сдерживание инфляции не приводит к увеличению долгосрочных иностранных инвестиций в реальный сектор, то зачем такая борьба с инфляцией нужна?

Идейная платформа российской экономической политики, по мнению С. С. Сулакшина, включает в себя пять пунктов:

«– сокращение внутреннего спроса (занижение оплаты труда и пенсий);

– стерилизацию финансов;

– фактическое занижение инвестиционных ресурсов;

– сокращение доли государственных расходов в ВВП;

– наращивание уровня открытости российской экономики» (с. 49).

Из такой позиции автора проистекает и его характеристика результатов необоснованной, как он считает, политики правительства, а именно:

1) сокращение внутреннего спроса (занижение оплаты труда и пенсий) ведет не к уменьшению, а к увеличению инфляции, не к росту, а сокращению ВВП;

* В 2008 г. 72,6% всех иностранных инвестиций в экономику России составляли прочие инвестиции: 15,6% – торговые кредиты, 55,8% – прочие кредиты и 1,2% – прочее (см.: *Казанцев С. В.* 2008: иностранные инвестиции в экономике России // ЭКО. – 2009. – № 8. – С. 15).

2) фактическое занижение инвестиционных ресурсов ведет не к уменьшению, а к увеличению инфляции, не к росту, а к сокращению ВВП;

3) уменьшение коэффициента монетизации экономики способствует не снижению, а росту инфляции, не росту, а уменьшению ВВП;

4) увеличение уровня открытости российской экономики ведет к росту инфляции и сокращению ВВП.

И далее автор делает заключение: «В целом эти выводы означают, что финансово-экономический блок Правительства делает на удивление все (относительно борьбы с инфляцией и роста ВВП) наоборот. Логика заставляет предположить, что навязан вполне профессиональный и продуманный сценарий, в котором интересы национальной безопасности и развития России отсутствуют. Об источнике и механизмах реализации такого сценария можно только догадываться» (с. 50). Эти намеки С. С. Сулакшин делает, не желая напрямую говорить о том, о чем догадался он сам.

На статистике за 1992–2008 гг. автор показывает, что инфляция не зависит от изъятия средств из национальной экономики. Можно уверенно утверждать, что при увеличении изъятия растет и инфляция. Более того, «чем больше изъятие финансов, тем больше прирост ВВП. Зависимость парадоксальна. Как это объяснить?» (с. 51). И он дает следующее объяснение.

«Не изъятие денег есть причина роста ВВП (что по физическим соображениям невозможно), а рост ВВП есть причина изъятия средств! Связь действительно есть, но она не экономическая, она внеэкономическая, точнее, даже антиэкономическая, и уж совершенно точно, что политическая. Вывод из этого анализа следует очевидный: как только ВВП России начинает возрастать, тут же включается усиление механизма изъятия средств из экономики, что, как показано, неизбежно ведет к уменьшению темпов роста ВВП. Это с неизбежностью и однозначно свидетельствует о целенаправленном сдерживании (мягко говоря) экономического роста в России. В чьих это получается интересах – говорить излишне» (с. 52).

Читатель может сделать вывод, что автор намекает на ангажированность, по крайней мере, финансовых властей страны в интересы иностранных компаний и государств. Раньше это явление называлось компрадорством и довольно подробно изучалось. К сожалению, автором этот термин не используется.

Автор справедливо отмечает совпадение начала стерилизации средств в РФ с началом роста ВВП после длительного спада в первой половине 1990-х годов. Он не считает это совпадение случайным: «Если бы кто-то захотел тормозить экономический рост в России, то очевидно, что он делал бы это именно подобным образом. Это объяснение ложится в русло гипотезы, что абсурдная с позиций российских национальных интересов и национальной безопасности финансово-экономическая политика не является случайностью или производной только от некомпетентности» (с. 53).

Вообще книга С. С. Сулакшина, если не касаться частных фактически снимает с руководства экономического блока обвинения в некомпетентности. Когда в одном ряду с министром финансов РФ А. Л. Кудриным упоминаются и монетарная школа, и количественная теория денег, то всех создателей этих теорий нельзя считать некомпетентными.

В действиях правительства РФ автор видит также «догматическое стремление наращивать какой-либо параметр безудержно и неограниченно в силу доктринерских установок какого-нибудь очередного "изма"» (с. 49). Но как отличить «догматическое стремление» от «последовательной позиции» — автор, пожалуй, и сам не вполне представляет.

С. С. Сулакшин считает заблуждением мнение «многих экспертов», которые «допускают только одну альтернативу для развития нашей экономики: либо модернизация, инвестиции и рост, либо финансовая стабилизация (для притока иностранных инвестиций)». По его мнению, задача состоит в том, чтобы «минимизировать инфляционные риски при модернизации экономики. Снижение инфляции — это только одно из средств влияния на рост экономики и решения социальных проблем. Более того, применение жестких монетарных мер со стороны Центрального банка с целью подавления инфляции

может вызывать замедление роста экономики, даже вызывать рецессию» (с. 90).

Иными словами, позиция автора ясна – нужно считать главной задачей модернизацию экономики, а не подавление инфляции. А будет или нет инфляция в ходе модернизации экономики – вопрос второй.

Но, отодвигая на задний план проблему инфляции, автор одновременно ставит вторую, практически неразрешимую проблему – как быть с нынешней открытостью российской экономики и ее включенностью в мирохозяйственные связи. Автор не идет далее того, чтобы назвать открытость отечественной экономики избыточной.

Суэта антиинфляционных мер

С. С. Сулакшин полагает, что «инфляция в России имеет особый мультифакторный характер ...Ее ход зависит от времени, но фактически не зависит (либо зависит в малой степени) от монетарных воздействий» (с. 68). Эту мысль он подкрепляет не только статистическими данными, но и содержательными рассуждениями. Первая его посылка состоит в том, что действующая в России система рефинансирования ориентирована на 10–20 крупных банков.

Ресурсы Банка России рассчитаны на краткосрочное рефинансирование. Это означает, что второй, помимо Центробанка, механизм денежной эмиссии (безналичной, естественно) путем банковской депозитно-кредитной мультипликации также находится в России в подавленном состоянии. «По сравнению с американским и среднеевропейским уровнем его интенсивность меньше в 3–5 раз. Особенностью России является развитие инфляции в условиях как дефицита, так и профицита государственного бюджета» (с. 70). Иными словами, автор книги отмечает тот факт, что дефицит или профицит российского бюджета не влияет на темпы инфляции, она остается постоянно высокой.

Борьба с инфляцией как главная проблема, по мнению С. С. Сулакшина, отвлекает власти от изменения «общего состояния экономического развития». Вследствие этой борьбы

другие проблемы российской экономики «остаются нерешенными – значительный износ основных фондов производственного сектора, электроэнергетики, ЖКХ, отсталость производственной базы даже в сырьевых отраслях» (с. 79).

С. С. Сулакшин считает также, что результат этой борьбы – «консервация сырьевого и архаичного типа экономики, торможение ее инноватизации и диверсификации, замедление экономического роста, переэкспортизация сырьевой экономики и превращение ее в обслуживающую интересы зарубежных государств» (с. 131). Автор не анализирует, что же является действительным исходным мотивом – стремление следовать некоторым теоретическим догмам или закрепить сырьевой характер экономики. Более того, он уходит от рассмотрения этой дилеммы весьма оригинальным способом.

Сначала он выдвигает некоторое предположение: «...Для Минфина (при отсутствии специальной акцентировки), по-видимому, нет разницы, в каком именно качестве гипотетически будут "потрачены" эти деньги» (с. 72). А затем констатирует необъяснимость действий финансово-кредитной верхушки: «...С наступлением финансового кризиса с августа 2008 г. почему-то и Минфин и Центробанк уже столь убежденно не выступают против возвращения финансов в экономику... Хотя повышение ставки рефинансирования Центробанком России в противоположность тому, как действуют Центробанки стран мира, в противоположность собственным усилиям насыщения экономики деньгами выглядит необъяснимым и алогичным, свидетельствует об отсутствии системы в действиях и растерянности» (там же).

Но позвольте, если необъяснимы противоречащие мировой практике действия Центробанка РФ, то о воплощении какой неолиберальной идеи может идти речь? Или неолибералы сохранились только у нас? За что нам такая честь?

Ориентируясь на современные экономические теории, С. С. Сулакшин агитирует за мониторинг инфляционных ожиданий и разработку научно обоснованных ежегодных целевых ориентиров инфляции, за то, чтобы «обеспечить прозрачность и достоверность измерения инфляции и статистических данных» (с. 78). Он присоединяется к тем, кто ратует

за исчисление инфляции по социально значимой корзине потребления большей части населения, что повысит не только доверие населения, но и «адекватность регулирующих действий». В основе таких предложений лежит методика ООН по исчислению семейного бюджета, тогда как отечественная ориентируется на индивидуальные доходы по категориям населения.

Роль государства в ценовом и тарифном регулировании

С. С. Сулакшин возражает против представления о том, что антиинфляционная политика государства совпадает с ценовой. Он полагает, что управление ценами – «лишь один из способов борьбы с инфляцией, далеко не всеобъемлющий в условиях неогосударственной экономики» (с. 108).

Из трех существующих в России способов регулирования цен – фиксации цен (тарифов, ставок); установления пределов для надбавки и рентабельности и регистрации цен – автор подробно останавливается на первом. Он пишет: «Недостаточная обоснованность тарифов заключается в необоснованности дивидендов, зарплат топ-менеджмента, непрозрачности системы формирования издержек, прибыли и формирования цен при закупках» (с. 113).

Не думаю, что непрозрачность зарплат топ-менеджеров способна оказать прямое воздействие на инфляцию. Разве что их астрономические бонусы и зарплаты способствуют хищениям на более низких уровнях управления и тотальной коррупции. Но этот вопрос не поднимается в рецензируемой книге, да и вообще эта тема не в чести у отечественных экономистов и социологов. Тонкая материя – связь зависти и деморализации!

Автор справедливо отмечает, что в регулировании цен и тарифов одновременно действуют две несовместимые модели регулирования. «Первая из них, традиционная для России, заключается в полном возмещении монополисту всех понесенных им "обоснованных" затрат плюс обеспечение рентабельности. Сокращенно эта модель именуется "издержки плюс". При такой модели монополии стремятся – и не всегда

безуспешно – максимально увеличивать собственные расходы, делать их непрозрачными, чтобы лоббировать для себя увеличение тарифов. Вторая базовая модель регулирования заключается в жестком ограничении на длительный период потолка тарифов. Обычно рост тарифов в этом случае привязывается к показателю роста потребительских цен (по "инфляции минус"). Правительство фиксирует доход монополий, стимулируя их тем самым на снижение издержек, т.е. имитируя систему рыночных стимулов в отсутствие рынка» (с. 117).

Нейтральное отношение автора к сочетанию методов «поддержки плюс» и «инфляция минус» можно объяснить только тем, что рассматривается только схема, а не ее практическое использование в конкретных российских условиях. Если бы он коснулся практического употребления этих двух методик, то нашлись бы дефекты и в той, и в другой.

Реалии и требования стратегических ценностных установок развития страны гораздо более убедительны, чем догматы монетаристской теории. В России всерьез существует нерешаемая ныне проблема государственного ценового регулирования. Включает она два аспекта: проблему роста потребительских цен (инфляции) и собственно управленческую – государственного ценового регулирования (с. 67).

И нельзя не согласиться с автором в том, что «мощным инструментом исправления региональных диспропорций» и составной частью единого подхода к контролю ценообразования может стать зональная дифференциация цен (с. 126). В такой большой стране, как Россия, одни и те же цены в Магадане и Нальчике представляются несуразицей. Точно так же, как и единое государственное регулирование цен.

Помимо государственного мониторинга за уровнем цен и тарифов автор книги считает необходимым «повысить роль общественности в контроле процессов ценообразования на потребительском рынке» (с. 122). Но как это сделать, он не рассматривает.

Смешивая борьбу с инфляцией с ценовой политикой, правительство не проводит последовательную политику исправления межотраслевого диспаритета цен. С диспаритетами цен тесно связан дисбаланс отраслей, «когда отдельные

отрасли получают значительную прибыль в силу монопольного положения, а другие оказываются в зоне устойчивой убыточности. Решение этой проблемы может быть найдено с помощью заключения долгосрочных договоров с прописанными механизмами ценообразования при участии государственных органов исполнительной власти» (с. 131).

Но автор не говорит о том, каким образом появятся «механизмы ценообразования» и какие «государственные органы исполнительной власти» способны этим заняться. Уж не следует ли восстановить Госкомцен?

Останавливается автор и на социальном аспекте ценового регулирования. Он полагает, что «...эта проблема вызвана неадекватным представлением о реальном уровне жизни населения. И речь здесь идет не о неких заблуждениях, а о попытках представить социально-экономическую ситуацию более благоприятной, чем она есть на самом деле» (с. 131). Такое обвинение автор выдвигает, скорее, из общих соображений, чем на основании специального исследования. Действительно, если выгодно приукрашивать, то вряд ли от такого соблазна можно удержаться.

В книге много терминов, которые позволяют вести анализ проблем цен и инфляции в новом ракурсе. К числу таких терминов относится оборот «социальное ценообразование». К нему автор относит все проблемы установления льготных цен и скидок для отдельных категорий населения. Социальное ценообразование не касается цен публичной оферты. Принадлежность к льготлируемой части населения определяет и оферту социального ценообразования.

«Для исправления ситуации необходимо сформулировать комплексный подход к проблеме социального ценообразования, и в первую очередь расширить перечень социально значимых товаров, по кругу которых осуществляется ценовое управление. Необходимо усилить централизованное начало в процессе социального ценообразования, по крайней мере на уровне контроля предельных уровней надбавок, для чего необходимо создать вертикаль органов, контролирующих реализацию ценовой политики» (с. 133). Итак, все-таки Госкомцен! Вопрос, требующий осознания.

Для того чтобы отделить антиинфляционную политику от ценовой, С. С. Сулакшин предлагает изменения в стратегии развития. «Меры по регулированию инфляции в качестве составной части стратегии социально-экономического развития России целесообразно планировать как отдельный раздел в ежегодном документе "Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики", в документах о стратегии социально-экономического развития в форме не только прогнозирования темпа инфляции, но и методов его снижения» (с. 91). Тогда будет очевидно, какие меры правительство считает антиинфляционными, на каком основании оно их планирует и каких результатов ожидает.

«Основные антиинфляционные меры государства должны быть сосредоточены на стимулировании предложения, для чего необходимо инвестировать, оказывать поддержку малому и среднему бизнесу, развивать конкурентное законодательство, развивать финансовые рынки», – считает автор книги (с. 97). Но для того чтобы корректно обсуждать эти предложения, автор полагает, что необходимо при анализе обособление антиинфляционных мер от ценового регулирования, перед которым стоят другие задачи.

Основная проблема ценового регулирования стала результатом отстраненности государства от жесткого антимонопольного регулирования, которая «привела к активизации ценовых сговоров. Результат закономерен, и без изменения объемов инвестиционного денежного предложения инфляцию уменьшить вряд ли удастся» (с. 66). На мой взгляд, эту позицию автора следует дополнить. Так, монополизм на региональном уровне определяется клановым характером региональных властей, особенно в национальных республиках. А следовательно, ценовое регулирование как таковое монополизм вряд ли разрушит.

От зарплаты до зарплаты

Автор считает, что в России оплата труда существенно занижена относительно ВВП. Кроме того, «зарплата приходит к занятому населению по-прежнему без той доли, которая ранее шла через общественные фонды потребления. Качество

и количество рабочей силы, а также населения как такового с 90-х годов стало сокращаться. «Монетаристский довод против повышения зарплат заключается в декларировании угрозы повышения инфляции. Совершенно показательна в этом отношении последовательная позиция министра финансов А. Кудрина» (с. 144). Отметим, что это – редкое для книги упоминание о главном для нее персонаже.

Идея ухода «от логики пересмотра уровня зарплаты вслед за ростом инфляции», принадлежащая министру финансов РФ А. Л. Кудрину, вызывает резкую критику С. С. Сулакшина. Он возражает против тезиса, согласно которому «повышение зарплаты должно быть следствием увеличения эффективности и результативности труда» (с. 144).

Между тем наращивание доходов населения, не подкрепленное реальным ростом производительности труда, не только опасно, но и несправедливо: в этом случае люди получают незаработанное, живут за счет будущих поколений.

Трудно возразить С. С. Сулакшину, когда он говорит о том, что зарплата «связана с инфляцией гораздо более сложно». Так, в структуре заработной платы в России довольно велика скрытая оплата труда, составляющая приблизительно 12%, без учета которой упомянутая доля фонда заработной платы ВВП в два раза ниже зарубежной» (с. 146).

По мнению С. С. Сулакшина, «зарботная плата в России является низкой не только сама по себе, но еще и по отношению к производительности труда. Вместе с тем по производительности труда отставание России от США составляет примерно 3,6 раза, но по часовой оплате труда – 9,6 раза. От Германии отставание по производительности труда составляет также 3,6 раза, но по зарплате еще больше – 13,4 раза. Для Франции это соотношение следующее: 3,8 на 8,5, для Японии – 2,8 на 7,2, для Италии – 4,0 на 9,6 и т.д.» (с. 147).

Итак, зарботная плата в России существенно занижена. И автор заключает: «Темп роста заработной платы может быть выше темпа роста производительности труда до тех пор, пока степень отставания России от стран-лидеров по заработной плате не сравняется со степенью отставания от них по производительности труда» (с. 148).

Расчеты С. С. Сулакшина показали, что «эффект инфляции не наблюдается и в этом случае». В том числе, когда власти «продолжают монетаристскую стерилизацию финансовых оборотных ресурсов в экономике страны на сумму уже более двух триллионов долларов, что очевидно сдерживает экономическое развитие, но на самом деле не влияет на инфляцию» (с. 149). Иными словами, антиинфляционные меры не только оказались несостоятельными в привлечении иностранных инвестиций, они не выполняют и прямую свою задачу – не уменьшают инфляцию. В этом плане меры, предлагаемые далее С. С. Сулакшиным, привлекательны хотя бы потому, что, в отличие от мер правительства РФ, могут дать эффект.

Внимание автора привлекают ссылки финансовых властей страны на «экономический закон» (так выделено в книге, кавычками и курсивом) опережающего роста производительности труда по отношению к росту заработной платы. В слегка ироничной подаче термина «экономический закон» ощущается недоверие к тому, что власти уважают такие неюридические ограничения на свою деятельность.

Но этот «экономический закон» имеет много прорех. Например, если снижать энергоемкость производства, то можно повышать зарплату более высокими темпами, чем производительность труда, и это будет увеличивать эффективность производства. Использование этого «закона» в аргументации сдерживания темпов роста заработной платы позволяет сохранять ситуацию, когда «эффективных и работоспособных экономических управленческих воздействий в действующей версии экономической политики государства по направлению снижения издержек практически не наблюдается» (с. 150). По этой причине ориентация на низкий уровень жизни российского населения оказывается естественной частью государственной политики.

С. С. Сулакшин полагает, что «заниженная зарплатоёмкость ВВП является одной из причин демографического кризиса, который, как видно, поддерживается в этом смысле также искусственно» (с. 157). И далее: «Из всех возможных макроспособов обеспечения безубыточности экономики в России используется самый негуманистичный, порождающий

социальные последствия в виде демографического кризиса и политические – в виде неизбежной дестабилизации и напряжений в обществе» (там же).

Эту оригинальную позицию автора не хочется комментировать, аналитики по этому вопросу мало, а любые слова в пользу мнения автора или против него будут напоминать политические декларации. В общем, проблему воздействия на демографию и сдерживания инфляции нужно изучать. Вполне вероятно, что более тщательные эмпирические исследования подтвердят позицию автора.

Коррупция как причина инфляции

Одна из причин инфляции не по Кудрину, а по Сулакшину – неконтролируемые доходы, получаемые вследствие казнокрадства и коррупции. «Придумать универсальное средство борьбы с коррупцией нельзя, однако минимизировать ее влияние можно», – полагает автор книги. При этом он считает одним из действенных методов борьбы не очевидные уголовные наказания, а такие меры, как расширение процедуры электронных торгов.

С. С. Сулакшин считает, что следует «обязать органы власти, а также госкомпании определенную долю закупок производить на электронных торгах в обязательном порядке. Для повышения прозрачности торгов необходимо, чтобы информация обо всех торгах, в которых принимают участие госорганы и госкомпании, была бы представлена на едином информационном internet-портале» (с. 118). В отношении таких предложений можно высказаться лишь скептически.

Стимулируют инфляцию, по мнению С.С. Сулакшина, и значительные масштабы теневой экономики в России, впятеро превосходящие аналогичные в развитых странах. По оценке Счетной палаты, отмыwanie преступных доходов происходит в объеме годового государственного бюджета (с. 80).

Особо автор выделяет ценовые сговоры. Действительно, «недостаточно эффективная деятельность органов исполнительной власти» (это интеллигентное выражение принадлежит автору книги. – Ю. В.) в этой сфере бросается в глаза каждому гражданину страны. Согласованно меняются цены

на бензин, а власти не могут усмотреть в этом преступный ценовой сговор. Цены на тот же бензин практически не снижаются после обвала цен на нефть – и опять властям ничего не видно».

С. С. Сулакшин считает, что «необходимы конкретизация определения монопольной цены и законодательное закрепление нормы о предельной норме прибыли, не превышающей среднего значения по данной сфере (отрасли, сегменту рынка и т.д.). Во-вторых, должны быть конкретизированы и ограничены нормы признания "сговоров" допустимыми. В-третьих, необходимо ужесточение административной ответственности за ценовые сговоры» (с. 124).

Представляется, что эти предложения непригодны для современной России. Там, где не применяются более мягкие меры в отношении картельных соглашений, не имеет смысла вводить более жесткие. От конкретизации определений удовольствие получают только юристы, а простой человек будет по-прежнему молча отсчитывать деньги за дорогой бензин на АЗС, и от того, что ее владельцу вынесено четкое определение вора и грабителя, ничего не изменится.

Что делать?

Ответ на вопрос «Кто виноват?» дан автором в названии книги. Но в ней есть ответ и на второй вечный российский вопрос. Конструктивная часть программы С. С. Сулакишина сводится к следующему.

Наиболее эффективным способом борьбы с инфляцией автор считает «насыщение экономики инвестиционными потоками, длинными кредитами, стимулирование предложения товаров и услуг. Необходимо стимулирование самозанятости населения и конкуренции (а не только борьба с монополистическими проявлениями), существенное увеличение доходов занятого населения» (с. 158).

Нужно увеличивать доходы населения, оплату труда и пенсии. А также инвестиции и государственные расходы. Это «дает возможность непротиворечивой политики одновременного роста ВВП и снижения инфляции».

Наряду с не вызывающими возражений тезисами, которых много в книге «Об инфляции не по Кудрину», встречаются предложения, требующие обсуждения. К первым относится, например, тезис: «Добиться долгосрочного снижения инфляции можно только за счет увеличения инвестиций» (с. 98). Ко вторым – такой: «Условием для снижения инфляции и увеличения инвестиций в промышленный сектор может стать снижение нормы процентной ставки» (там же).

Если имеется в виду ставка рефинансирования, то есть много примеров того, как даже при ее снижении банки продолжают выдачу кредитов под высокие проценты. Переход от межбанковского кредитования к кредитованию промышленности и предпринимательства сопровождается скачкообразным ростом рисков невозврата кредита, о которых автор практически не упоминает.

Можно согласиться с тезисом С. С. Сулакшина о том, что главный недостаток эмиссии денег в России – ее слабая связь с функционированием системы кредитования экономики. Достаточно очевидно, что эмиссия почти не связана со ставками кредитов (кстати, мониторингом ставок по фактически выданным банковским кредитам практически никто не занимается). Даже по поводу сокращения выдачи кредитов озвучиваются только эмоциональные возгласы, а не выводы из аналитических обзоров.

Автор указывает на необходимость структурного регулирования денежного предложения «путем снижения доли валютного компонента и увеличения доли кредитного компонента в денежной эмиссии, который увеличит уровень предложения товаров и услуг на рынке» (с. 98). Это указание неплохо было бы дополнить конкретным способом его достижения.

Комплекс мер, предлагаемый С. С. Сулакшиным, впечатляет: значимое увеличение оплаты труда и пенсий; доведение уровня монетизации до «европейского» стандарта – 100% либо «китайского» – 200%; увеличение инвестиций в основные фонды не менее чем в два раза; сокращение степени открытости экономики, преодоление ее переэкспортизации; рост доли государственных расходов в ВВП страны.

Автор сам осознает, что набор предложенных им мер вряд ли можно в строгом понимании считать комплексом, и делает оговорку о том, что «частичное несовпадение мер отражает сложный характер явления, ведущий в управленческом смысле к постановке задач на оптимизацию управления» (с. 65).

Этой оговорки явно недостаточно. Предлагаемые меры по своему эффекту и используемым механизмам выходят далеко за рамки борьбы с инфляцией. И важнейшим вопросом, какой придется решать для реализации предложенного комплекса мер, – восстановление доверия власти, подорванного во времена Горбачева – Ельцина. Без него невозможно функционирование кредитной системы страны, и потому граждане вынуждены использовать иностранную валюту для своих сбережений.

По моему убеждению, у нас в стране никогда не будут разрушены клановость и построенная не только на ней коррупция, никогда не будет побеждена инфляция, а следовательно, и не будут реализованы меры, предлагаемые С. С. Сулакшиным. В этом плане рецензируемая книга явно не повышает доверия к федеральной власти. Скорее, наоборот.

Противоречиво и отношение к деятельности естественных монополий, которая, по мнению С. С. Сулакшина, в условиях тарифного регулирования «влияет на инфляцию в сторону ее снижения». Как и действующая власть, как и оппонировавшие им коммунисты, автор полагает, что «не нужно искусственно разбивать российские естественные монополии на осколки, конкурирующие друг с другом в целях борьбы с инфляцией» (с. 58).

К каким результатам может привести появление таких книг, как книга С. С. Сулакшина? Ни Министерство финансов РФ, ни правительство РФ в целом не склонны вести диалог ни по одному вопросу экономического развития. Экономистов в России много, в том числе титулованных. Но вряд ли хоть один из них нужен действующей власти.

Ю. П. ВОРОНОВ,
*кандидат экономических наук,
вице-президент Новосибирской торгово-промышленной палаты
E-mail: wzn@onlin.nsk.su*